

О.Ю. Корниенко

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ**

***Аннотация.** В современном мире все более актуальной становится проблема идентичности в сфере международных отношений, поскольку она определяет мировоззрение нации, ее ценности и установки в осуществлении международных контактов. В статье анализируется то, как система языка определяет структуру мышления и способ познания и осознания мира, что рассматривается на примере совершенно разных языков, таких как финский, арабский, хопи. Исходной точкой исследования служит подход Витгенштейна к видению всех мировых проблем через призму отношений языка и мира как зеркальной пары, что отражает логическую структуру языка и онтологическую структуру мира. Данная задача реализуется на базе изучения теоретических подходов к осознанию проблематики и рассмотрению конкретных примеров из языков для понимания их видения мир-системы в пространственных, временных, языковых координатах, особенностей системы фиксирования реальности в алфавите или устных знаках, распределения внимания на важнейших для языковой картины мира понятиях «статичности» и «процессности», которые определяют мировосприятие народа, в том числе и системы сношений с внешним миром. Исследование основывается на материалах отечественных и зарубежных авторов, интернет-публикациях и интервью с ведущими специалистами по вышеуказанным языкам, культурам, политическим отношениям. Специфика исследования продиктовала использование общенаучных подходов политических, социологических и филологических наук. Исследование показало, что строй языка формируется историческим контекстом в пространственно-временных рамках, отражая ведущий временной или пространственный фактор мировоззрения народа, который определяет идентичность народа, что сейчас диктует специфику характера международных отношений для данной конкретной страны.*

***Ключевые слова:** международные отношения; идентичность; финский язык; арабский; язык хопи; западные ценности; временной и пространственный контексты; агглютинация; аналитические и флективные языки.*

Корниенко Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры глобальных коммуникаций факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва.
E-mail: lin_expr@mail.ru

Kornienko O.Y. The role of language worldview in the formation of identity

***Abstract.** The issue of identity is getting more relevant in the modern world as it mainly determines the world-view of the nation, its values, and ways of conducting international contacts. The article analyzes how the language system determines the structure of thinking and the way of perceiving the world, which is case-examined on the example of completely different languages, such as Finnish, Arabic, Hopi. The starting point of the study is Wittgenstein's approach to world problems through the prism of relations between the language and the world, the language mirror reflecting a logical structure of the language and the ontological structure of the world. This task is carried out by studying the languages to understand their vision of the world-system in spatial, temporal, linguistic coordinates, the features of the system used for fixing reality in the alphabet or oral signs, diverting the attention to the concepts that are most important for the linguistic picture of the world, that is to «the statics» or the «procession», which determine the worldview of the people, including the system of relations with the outside world. The study is based on materials from domestic and foreign authors, online publications, and interviews with leading experts in languages, cultures, and political relations. The specific approach defines the use of combined academic approaches of political, sociological, and philological sciences. The study showed that the structure of the language is formed by the historical context in the spatial-temporal framework, reflecting the leading temporal or spatial factor of the worldview of the people, which determines the identity of the people and later dictates the specific nature of international relations for this particular country.*

***Keywords:** international relations; identity; Finnish; Arabic; Hopi; Western values; temporal and spatial contexts; agglutination; analytical and inflectional languages.*

**Kornienko Olga Yuryevna – Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Global Communications,
Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow. E-mail: lin_expr@mail.ru**

По мере изменения жизни человечества под влиянием глобализационных процессов, ускорения темпов жизни, технологического прогресса и других проблем современности, социальные проблемы идентификации людей и наций все больше уходят на второй план. При этом мало кто задумывался над тем, что в этой ситуации представляет собой идентичность наций, являющаяся тем не менее мощной силой противодействия миру западных ценностей. В этом исследовании мы попытаемся показать, как восприятие мира в разных языковых координатах конструирует реальность, которая приоткрывает истинные цели, ценности, возможности различных мир-систем и то, как язык формирует и отражает философию и психологию нации, что и определяет место и позицию данной нации в системе международных отношений.

Языковая картина мира отражает объективную реальность в определенный период времени. Она представляет собой не только способ восприятия и кодировки реальности в каждый определенный период времени. И сам способ кодировки реальности со временем конструирует реальность, что в свое время подытожил Людвиг Витгенштейн: «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн 1994, с. 1–73]. По Витгенштейну, все основные проблемы мира рассматриваются через призму отношений языка и мира. В своем знаменитом «Логико-философском трактате» Витгенштейн писал о них как о зеркальной паре, где язык отражает мир, потому что логическая структура языка идентична онтологической структуре мира. Мир представляет набор существующих фактов, а объекты есть суть того, что образует факты при взаимодействии. Объекты обладают набором свойств, благодаря которым они вступают в те или иные отношения. Простые отношения описываются простыми предложениями, а сложным фактам соответствуют сложные предложения. И весь язык представляет собой описание всего, что есть в мире, т.е. всех фактов.

О важности роли языка в отражении физической реальности говорил американский антрополог и лингвист Эдуард Сепир, отмечая, что «язык проецирует физическую реальность в социум, способствуя становлению своеобразного образа мироздания: «...Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления потому, что, в основном, языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения [Языки 2003, с. 6]». Язык как некая реально существующая знаковая система используется в определенном обществе (социуме) в определенный временной период на определенном пространстве. Будучи одной из знаковых систем, язык абстрактен, строится на языковых универсалиях, а конкретные языки есть многочисленные реализации свойств языка вообще.

Лингвистическая картина мира оказалась в центре внимания германских исследователей В. Гумбольдта [Гумбольдт 1985, с. 379–382] и Л. Вайсгербера [Радченко 2004], которые верили в спонтанную силу языка. Гумбольдт и неогумбольдтианцы считали, что мысль покоится на базисных философских категориях духа, языка, сознания. Гумбольдтианцы исследовали происхождение и генеалогию языка и стремились выяснить роль языка в развитии духа. Ключевое понятие философии Канта составляет «Geist» (дух), т.е. некое всеобщее сознание, некий общий для всех «дух», который постоянно стремится к абсолютному самосознанию [Гегель 1999]. Вильгельм Гумбольдт усовершенствовал подходы Иммануила Канта к системе выражения собственных мыслей, превратив ее в «центральную проблему философии духа, реализующего в языке все другие конкретные проблемы философии» [Шпет 2016]. В. Гумбольдт предпринял попытку обосновать воздействие языка на мировоззрение человека, в целом – культуры на социум, т.е. объяснить

проникновение в дух народа через языковое мировоззрение. Гумбольдт исследовал не только взаимосвязь, но и изоморфизм между объектами культуры, между языком, мифологией, литературой, искусством, другими единицами системы. По Гумбольдту, «дух проявляется через язык, культуру, цивилизацию и производит продукты своей деятельности из самого себя, как бы развивается из самого себя» [Гумбольдт 2000, с. 37–38]. Гумбольдт был уверен, что язык как часть культуры представляет не только главную деятельность человеческого духа, но и национального духа вообще.

В XIX в. младограмматики Герман Пауль [Пауль 1960], Герман Остгоф и Карл Бругман [Brugman] рассматривали язык как систему психических образов и ассоциаций. По мнению Г. Пауля, все языковые средства хранятся в сфере бессознательного, а повторное появление в сознании того, что в нем было, задействует то, что уже понималось ранее и произносилось. Младограмматики делали вывод, что всякая грамматическая категория возникает на основе психологического бессознательного. А великий лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ считал, что язык существует в душах людей и писал, что общий национальный язык включает социальную сторону: «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то, кроме психической стороны, мы должны отметить в нем всегда сторону социальную» [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 131].

Далее начинается выстраивание типичных для данного сообщества способов отражения в русском языке смысловых форм в синтаксических структурах. Выдающийся знаток и интерпретатор философии платонизма Павел Петрович Блонский [Блонский 2001] исследовал роль памяти в процессе развития осознания себя внутри общества, обращая при этом особое внимание на роль синтаксиса словосочетаний и предложений. Так, освоение синтаксиса начинается со словосочетаний, затем следуют короткие предложения, которые становятся все более длинными по мере освоения предметного мира в процессе общения и деятельности.

Немецкий специалист по психологии народов Вильгельм Вундт считал, что существование различных типов языков, таких как корневые, агглютинативные, флективные, обуславливается степенями психологического развития народов, которое идет путем похожим на развитие сознания отдельного человека. Вильгельм Вундт [Вундт 1912] демонстрирует то, как идет восприятие мира на примере становления человека, который в детстве формирует словарь из отдельных слов, несоединенных флексией, что соответствует корневым (изолирующим) языкам. Далее наступает этап, когда сознание человека обретает способность разлагать представление на отдельные элементы, а затем соединять их в единое целое, что соответствует агглютинации как языковому строю. По мере взросления сознание может объединять признаки в понятие, что соответствует новой ступени языкового развития – становлению

флексивных языков. Немецкие философы и лингвисты Фридрих и Август Шлегели внутри флексивных языков выделяли языки синтетические и аналитические [Шлегель 2015].

Представленное Вундтом психологическое направление заключается в оценке связи языка и мышления. В основе толкования языковых фактов лежит апперцепция (т.е. внимательное восприятие мира людьми на основе собственного опыта, знаний и взглядов), а не ассоциации (т.е. психические связи, при появлении одного из которых в сознании человека практически одновременно происходит появление других). Вундт считает психологической основой грамматической структуры предложения не соединение нескольких слов или нескольких предложений, а их разложение на составные части, которые находятся в логической связи друг с другом. При этом предложение становится полным выражением того или иного представления.

Разложение целого сложного представления всегда бинарно, двухкомпонентно, где первое представление представляет субъект и его свойства, а второе – процесс действия и объект действия, которые находятся в логических отношениях друг с другом. При этом логическое членение представлений является актом апперцепции, а возникновение представлений без логической необходимости и последовательности представляют ассоциативные представления [Психологическое направление]. Апперцепция порождает замкнутые структуры, характерные для аналитического, научного мышления (аналитических языков). Ассоциация порождает открытые структуры, свойственные поэтическому, синтетическому отражению действительности (синтетических, флексивных языков).

Другой российский ученый, языковед и философ, Александр Афанасьевич Потебня [Потебня 1993] обращает особое внимание на процесс порождения слов чувственными образами, которые не имеют грамматической категории, являясь по своей сути больше именованиями, чем глагольными формами процесса. Потебня сравнивает их с первообразными причастиями, которые на первой стадии выделяли из себя субстанцию (существительные), затем усиливалось значение признака, качества, что формирует имя прилагательное. В процессе дальнейшей эволюции идет вытеснение или частичная замена категории субстанции категорией процесса, т.е. действия, силы, энергии, в результате чего глагол как грамматическая форма процесса начинает вытеснять существительное там, где может его заменить. В высказываниях именной характер предложения все более стирается и в нем возобладает глагольность.

Потебня особое внимание уделял роли языковых категорий в высказывании, поскольку грамматическая форма есть, в первую очередь, понятие семантико-синтаксическое, и как таковая находит свое выражение через формальные элементы слова (морфология) и синтаксические связи (синтаксис).

А соединение грамматического и лексического значений осуществляется через грамматические формы, которые дают стройность и логичность грамматическому строю языка.

По мысли Потебни, который опирался на русско-украинско-белорусское наследие, язык и каждое слово в отдельности соответствуют искусству, а сам процесс рождения и оформления мысли обнаруживает тесную связь с языком: «Мысль как бы начинается с первым языковым действием и оформляется в своих категориях – представлениях, образах... что идет одновременно с формированием категорий и форм языка» [Потебня 1993, с. 37].

По гипотезе лингвистической относительности структура национального языка определяет структуру мышления и способ познания и осознания мира. Для понимания данного утверждения интересно проследить как выражается национальная идентичность через языковую идентификацию разных народов. При этом следует учитывать потенции, как их определил Вундт: 1) аналитических (корневых) языков, где идет разложение лексического и грамматического смысла; 2) агглютинативных, которым свойственно разложение смысла на элементы и последующее соединение в единое целое; 3) флективных (синтетических и аналитических) языков, которые синтезируют понятие через объединение признаков.

Так, очень своеобразную картину представляет финский язык, один из древнейших языков Европы. Видение мира, которое запечатлено в языковой картине, включает в себя такие специфические черты как: распределение существительных по линии «одушевленность-неодушевленность», отсутствие будущего времени, сложные, длинные агглютинативные слова, отсутствие предлогов и немалое количество послелогов, 15 падежей (в разных диалектах варьируется от 14 до 16), склонение падежа объекта и мн. др. Во многом такое своеобразие обусловлено кочевым образом жизни, который вели финно-угорские племена. Это обстоятельство роднит финский с восточными языками, где, как и в финском языке, распространена агглютинация, т.е. комплексное восприятие понятия, когда слова образуются путем прибавления многочисленных суффиксов и префиксов к основе.

Испокон веков финские мужчины воспринимали женщин как равных в борьбе за аграрное существование, а суровые условия существования заставляли женщин быть сильными и работать наравне с мужчинами. Вот и финский язык отразил это в своем строе, уравнив мужчин и женщин в виде единого рода: одушевленного, когда понятия «он» и «она» обозначаются словом «hän». Система неодушевленности в виде местоимения «se» относится, как и в английском языке, к группе животных и предметов.

Интересным фактом является очень внимательное отношение к прошлому, которое представлено тремя формами (имперфект, перфект, плюсквамперфект), а также отсутствие формы будущего времени, которое совпадает с

настоящим, что характерно для ментальности финнов, которые умеют любить настоящий момент. Прежде всего следует отметить длительную и четкую ориентацию народа на долгосрочные связи, которые медленно меняются под влиянием политической конъюнктуры [Науменко 2015, с. 12–13]. Данная позиция формирует особую политическую реальность, которая свидетельствует о четкой ориентации на незыблемость теснейших отношений со Шведцией (для финнов самым важным языком является шведский). Кроме того, на юго-востоке и востоке страны, исторически важным является русский язык, который из-за геополитической позиции Финляндии, постоянно находится под давлением, хотя в финском языке есть немало заимствований из русского языка, даже бывшая столица страны Турку была так названа вследствие заимствования из русского языка слова «торг». В Финляндии на востоке и юго-востоке страны постоянно растет коммуникация с русскими гражданами, появляется Фонд поддержки русской культуры, имеются обращения восьми муниципалитетов финнов относительно возможности изучать русский язык в школе в качестве альтернативы шведскому. Пока эти обращения не получили государственной поддержки, но муниципалитеты не перестают требовать активного изучения русского языка. На фоне экономического обмена между странами в настоящее время определенными привилегиями пользуются эстонцы, которые владеют финским и русским языками.

Как любой агглютинативный язык, финский язык раскладывает смысл на элементы, а потом объединяет их в единое целое. При этом народы, говорящие на агглютинативных языках, предпочитают не заимствование слов, а их переосмысление и интерпретацию. Так слово «компьютер» передается в финском как «tietokone» через толкование «tieto» (информация) и «kone» (машина), к которым потом добавляются, будто нанизываясь на спицу, многочисленные падежные и лексико-грамматические уточнения. В самом языке также есть много слов, созданных путем разложения на смыслы, а потом – соединения в единое целое, как например: «poikamies» (холостяк), состоящего из слов «poika» (мальчик) и «mies» (мужчина), или «lokakuu» (октябрь), образованного из «loka» (месяц) и «kuu» (грязь). Этот факт во многом обусловил стремление к осознанию политической ситуации путем ее осмысления как по отдельным частям, так и впоследствии в целом, что привело к восприятию финнов как медлительных людей.

Основной словарный состав языка включал много слов восточного происхождения, а сама древняя финно-угорская лексика состоит из понятий, связанных с человеком, природой, охотой и рыболовством, что переносит акцент на пространственный фактор, который играет большую роль при таком образе жизни, что объясняет очень внимательное отношение к подробному описанию движения в пространстве. Так, одно финское слово «talossanikin» «в моем доме тоже» раскладывается на несколько элементов, которые потом

объединяются по признаку близости восприятия в единое целое: «talo» (дом); «ssa» (окончание предложного падежа с предлогом «в»); «ni» (принадлежность «мой»); «kin» («тоже», примыкающее безударное слово). Такой строй является определяющим для финского языка, хотя в процессе эволюции он развил некоторые другие элементы синтетического (корневого) типа и аналитики. Данные относительно внедрения элементов аналитического (западного) или синтетического влияния очень важны, поскольку они дают вектор ориентации народа на данный момент.

Другой тип языка и мышления демонстрирует мир арабского языка, который разительно отличается от типа мышления, которое было заложено греками, а потом активно развивалось всей западной цивилизацией. Считается, что европейские языки являются субстанциальными [Преодоление фальсафы 2016, с. 92], т.е. прилепленными к чему-то, к какой-то субстанции, к вещам и их признакам, к словам, к которым затем лепятся различные признаки: дом, домашний, одомашнивать, одомашненное (животное).

В арабском языке доминирует процессуальный взгляд на мир, свойственный и деятелям, и претерпевающим воздействию, и, таким образом, реальный мир носителя арабского языка строится на основе языковых норм данной группы. Что интересно, в арабском языке даже сам алфавит строится на цифровой системе, поскольку арабская вязь произошла от цифр. Лексика, связанная с процессуальностью, в арабском языке занимает гораздо большее место, чем в русском языке и других европейских языках. Примером такого особого мировоззрения является перевод с русского языка на арабский предложения «Я хочу пойти в кино», где глагол «пойти» не является именованием процесса. Сами арабы дали бы перевод, эквивалентный форме «Я хочу хождение в кино», где эта форма соответствует процессу. Мышление, использующее такой язык, может фиксировать мир как процесс, может видеть основание устойчивости мира в процессе – то, что со времен греков мы считаем невозможным, связывая процесс с протеканием во времени, а значит, с неустойчивостью. А здесь, напротив, устойчивость может быть найдена именно как процессуальная [Преодоление фальсафы 2011, с. 93].

Сам человек также воспринимается через процессуальность, связывающую душу (внутреннее) и тело (внешнее), которые должны соответствовать друг другу и через которые реализуются человеческие цели. Впрочем, это сложно воспринимается западной культурой. Следует также отметить, что цивилизационные исламские установки ислама арабского мира не воспринимают практику христианского монашества, что демонстрирует различие устройства нашего сознания.

Арабский язык исторически не любит заимствовать чужие слова, а своими делится щедро, будучи очень богат в плане словообразовательных моделей. При этом алфавит из 28 букв позволяет создавать целые рисунки и узоры,

давая простор воображению. При анализе материала выясняется, что 90% букв являются просто цифрами, а арабское письмо представляет собой мотивированную и простую письменность благодаря правилам соединения букв арабской вязи. Более того, процессность выражается и в правилах чтения и письма «правого языка», что характерно и для компьютерных языков.

Такого рода восприятие мира подразумевает очень самостоятельную позицию в отношениях с другими странами, когда можно ожидать, что люди, говорящие на вариантах арабского языка, не будут искать сиюминутной выгоды, представляя весь мир непрерывным процессом, в котором, даже если удастся выгадать в краткосрочной перспективе, то в долгосрочном плане можно оказаться в проигрыше.

Сама направленность на процесс отражается в фонетико-семантических комплексах (трехсогласная структура [Белова 1991, с. 79]), смысловая основа которых заключена в согласных. Термин же «согласные» происходит от арабского слова «сагал» (регистировать, писать, обозначать). «Трехсогласная структура» – это та часть слова, основа, которая содержит смысл, как например, «ktb» – «писать», грамматические и лексико-грамматические изменения которой варьируются для предметности, процесса, признака и их форм. Данное утверждение можно проиллюстрировать на примерах: katab كَتَبَ (писать), ktub (имперфект «он пишет»), kitab (основа для kitabun), kitabun (книга), kutub (основа для множественного числа), kutubun (книги).

При этом первые две согласные являются ключевым элементом познания семантики, а третий согласный конкретизирует смысл [Аль-Фоади 2019, с. 423]. Так смысл «резания» связан с согласным двучленом /q-t/, а физиологическое движение органов речи при произнесении третьего согласного в корне помогает мозгу окончательно и последовательно определить образ действия. С согласными /f-r/ в арабском языке ассоциируется общий смысл «разъединения», где третий согласный уточняет и конкретизирует общий смысл: farada – «делать зарубки о дереве»; faraja – «приоткрывать, освобождать»; faraq – «разъединить, разводиться»; faraza – «отделять, выделять, сортировать» [Аль-Фоади 2019, с. 424]. Можно ожидать, что в системе отношений данный народ всегда будет ожидать этого «конкретизирующего согласного».

Совсем другую картину мира представляют языки индейцев Америки, которыми активно занимался последователь Сепира, специалист по языкам американских индейцев Бенджамин Ли Уорф. Он пришел к выводу, что картина мира в основном определяется системой языка, на котором люди говорят, особенно относительно того, как они воспринимают пространство и время. Б. Уорф проанализировал видение мира индейцами Хоппи и сравнил его с пониманием данных категорий европейскими народами. Для этих народов время идет как бесконечный процесс, где преобладает именно «процессность».

Для европейцев время идет как прямая линия, на которой отложены отрезки: раньше – сейчас – позже. Получается, что для европейца времени с каждым днем становится все меньше, а у индейцев, говорящих на языке Хопи время вечно и равномерно. Более того, для Хопи время представляется в виде событий и подготовки к ним, где важны длительность, интенсивность, направленность. В мире индейцев одни события развиваются, как растения, вторые рассеиваются и исчезают, третьи – превращаются в пространстве во что-то другое, четвертые – остаются длительное время одним и тем же, пока на них не воздействуют могущественные силы [Whorf 1956, p. 246–270].

Европейцы, в основном, считают, измеряют, записывают, поскольку они время постоянно соотносят с пространством. У европейцев каждое явление проявляется в пространстве как единое целое и отражает типичный способ существования: рост, упадок, стабильность, повторяемость, продуктивность. В восприятии Хопи мир находится в процессе какой-то подготовки, что есть свойство действительности. У европейцев любое событие отражается как ход времени: мысль течет, дискуссия развивается, дискуссия приходит к концу и т.д. В их языковом восприятии все описывается через понятия формы и содержания. У Хопи такой прямой ассоциации незримого с пространством нет, так же как нет пространственно-временных метафор, но есть теснейшая связь этих фундаментальных категорий.

Европейцы привыкли к исчисляемым (предметы) и неисчисляемым (вещества) существительным, что является частью субстантивности: tree (дерево), stick (палка), man (человек), water (вода), wood (дерево), sand (песок) и, как таковые, не имеют множественного числа. Это актуально для способов языкового выражения, но не столь важно для действительности. В языках индейцев, особенно Хопи, все существительные имеют и единственное, и множественное число. А европейские существительные, которые мы относим к «исчисляемым, материальным», относятся индейцами к телам неопределенным. Само существительное указывает на форму или сосуд, что делает его исчисляемым, а абстрактность неисчисляемых существительных передается глаголом или предикативной формой [Whorf 1956, p. 262–263]. Так, есть указатели количества, которые одновременно являются и отражением состояния (статика – процесс): «ka-yi» (a glass of water, стакан воды), «pa-ha» (a pool of water, лужа). В данном примере частицы «pa» и «ha» отражают не только большой размер, но и естественность, природность, текучесть, изменчивость воды. А «ka» и «yi» – ограниченность, некоторую искусственность сосуда.

Кроме того, индейцы Хопи (штат Аризона) очень аккуратно подходят к отражению пространственных отношений, которых они на данный момент не наблюдают или не знают, поскольку на них в этом случае как бы наложен абсолютный запрет. Дело в том, что в этих языках имеются многочисленные

языковые средства для описания длительности, интенсивности, направления действия, но грамматические законы не приспособлены для проведения аналогий с мыслимым, воображаемым пространством. Мы можем понять, что все придуманное, возможное, но не реализуемое сейчас там отмечается, а весь процесс восприятия мира характеризуется динамикой, которая не делится на мелкие части. Сегодня представители народа Хопи находятся на грани исчезновения, т.е. выпадает важный элемент культурной мозаики из системы коммуникативных процессов.

На основании проведенного анализа можно сделать определенные выводы, первым и главным из которых является то, что все ученые, рассматривающие языковую картину мира, проводят четкие ассоциации с социально-психологическими характеристиками национальной картины мира, отношением к процессу национального восприятия, национальным ценностями. Краткий обзор основных характеристик трех кардинально отличающихся языковых картин мира позволяет делать выводы о смысловом переосмыслении мира в координатах национальных языков.

Финский язык отражает следующую мир-систему носителей языка: преобладание в конструировании действительности пространственного фактора. Кроме того, большое внимание уделяется прошлому и настоящему, что выражает определенную жизненную философию. Финский язык демонстрирует тенденции к переосмыслению тех новых событий, которые протекают вокруг, но не заимствует их быстро и слепо, а интерпретирует, раскладывая на части, затем снова соединяя, приспособляя к своей языковой среде, что зачастую приводит к оценке финнов как медлительных людей. Во многом по этой же причине финны очень подробно описывают направление движения, действия, что отражает их система падежей. В целом, мы можем констатировать наличие высокоразвитой логики, стремления к равенству всех граждан сообщества, что находит выражение в личных местоимениях, а посему – хорошо воспринимает демократические установки правил поведения в определенном пространстве и права человека, особенно идеи равенства.

Совершенно другую картину мира рисует языковая картина арабского языка, где мир – это бесконечный процесс, где деятели и объекты воздействия – вторичны. Важность процесса, а не статики, повлияла на выбор алфавита, построенного на цифровых рядах. Кроме того, понимание мира как процесса придает ему устойчивость: закрепленную в виде семантико-фонетических комплексов, которые зафиксировали смыслы за определенными трехкомпонентными группами согласных. В арабской картине мира человек является объектом процессуальности, который для реализации целей соединяет внешнее (тело) и внутреннее (душу). Сам арабский язык отличается уникальной формой восприятия путем логического восприятия текстов, мыс-

лей справа налево. Мы можем сделать вывод, что это высокоустойчивый и креативный мир, который не воспринимает западных установок и ценностей.

Многому может научить исследователей языковая картина индейцев Хо-пи из штата Аризона, язык которых зафиксировал и оставил миру В. Уорф. Этот язык уже сейчас относится к исчезающим языкам. Для него также характерен акцент на процессности и высокой степени абстракции, где время воспринимается как вечная и равномерная субстанция. Языковая картина демонстрирует абстрагирование, где нет четких разграничений между временем и пространством. Абстрагирование касается и субстантивности, когда комплексно воспринимаются размер, происхождение, динамические или статические показатели субстанций. К сожалению, данная языковая картина мира, устойчивая и экологичная, уходит в прошлое, никак не согласуясь с ценностями рационального эгоизма.

Библиография

- Аль-Фоади Р.А., Зарытовская В.Н. Фонограмматическая когниция в русском и арабском языках: основы флективного когнитивного строя // *Фундаментальная наука – вузам*. 2019. № 1. С. 419–435.
- Белова А.Г. Структура семитского корня и семитская морфологическая система // *Вопросы языкознания*. 1991. № 1. С. 79–91.
- Блонский П.П. Память и мышление. СПб.: Питер. 2001. 288 с.
- Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. М.: Изд. АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с англ. Философские работы: в 2 ч. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 1–73.
- Вундт В. Проблемы психологии народов / Пер. Н. Самсонова. М.: Космос, 1912. 132 с.
- Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть 1. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1999. 444 с.
- Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
- Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // *Язык и философия культуры*. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
- Науменко Т.В. Коммуникативные процессы в глобальном экономическом пространстве // *Credo New*. 2015. № 1 (81). С. 12–19.
- Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. Под ред. А.А. Холодовича. М.: Иностранная литература. 1960. 499 с.
- Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
- Преодоление фальсафы. Интервью с зам. директора Института философии РАН Андреем Смирновым // *Эксперт*. 2011. № 16 (750). С. 90–94.
- Психологическое направление. Лингвистическая концепция А.А. Потебни // Репозиторий БГПУ. URL: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/14009/1/%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

Радченко О.А. Апостол родного языка // Вайсгербер Йохан Лео. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

Шлегель К.В.Ф. Сочинения. Т. 1. Философия жизни. Философия истории. М.: Quadrivium. 2015. 816 с.

Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). М.: КомКнига, 2016. 216 с.

Языки как образ мира. Антология. (М. Мюллер, Э. Сепир, В.Л. Уорф, Л. Витгейнштейн и др.). М.: АСТ, Terra Fantastica. 2003. 576 с.

Brugman K., Osthoff H. Morphologische Untersuchungen. Erster Theil, Leipzig: Hirzel, 1878. Ss. 7–11.

Whorf B.L. Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. by J.B. Carroll. Cambridge: The MIT Press, 1956. P. 246–270.

References

Al'-Foadi R.A., Zarytovskaya V.N. Fonogrammaticheskaya kognitsiya v russkom i arabском yazykakh: osnovy flektivnogo kognitivnogo stroya [Phonogram cognition in Russian and Arabic: the basics of the inflectional cognitive system]. Fundamental'naya nauka vuzam [Fundamental science for universities]. 2019. N 1. P. 419–435. (In Russ.)

Belova A.G. Struktura semitskogo kornya i semitskaya morfologicheskaya sistema [Semitic root structure and Semitic morphological system]. Voprosy yazykoznanija [Linguistic issues]. 1991. N 1. P. 79–91. (In Russ.)

Blonskiy P.P. Pamyat' i myshleniye [Memory and thinking]. Saint Petersburg: Piter. 2001. 288 p. (In Russ.)

Boduen de Kurtene E.A. Izbrannyye raboty po obshchemu yazykoznaniyu. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. T. 1. 384 p. (In Russ.)

Vitgenshteyn L. Logiko-filosofskiy traktat [Logical-philosophical treatise]. Per. s angl. Filosofskiy raboty [Philosophical works] v 2 ch. CH. I. Moscow: Gnozis, 1994. 544 p. (In Russ.)

Wundt V. Problemy psikhologii narodov [Problems of the psychology of peoples] / Per. N. Samsonova. Moscow: Kosmos. 1912. 132 p.

Gegel' G.V.F. Sistema nauk. Chast' 1. Fenomenologiya dukha [System of Sciences. Part 1. Phenomenology of spirit]. Saint Petersburg: Nauka. 1999. 444 p. (In Russ.)

Gumbol'dt V. Kharakter yazyka i kharakter naroda [The nature of the language and the nature of the people]. Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]. Moscow: Progress. 1985. 448 p. (In Russ.)

Gumbol'dt V. O razlichii stroyeniya chelovecheskikh yazykov i yego vliyaniya na dukhovnoye razvitiye chelovechestva [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind]. Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress, 2000. 400 p. (In Russ.)

Naumenko T.V. Kommunikativnyye protsessy v global'nom ekonomicheskom prostranstve [Communication processes in the global economic space]. Credo New. 2015. N 1 (81). P. 12–19. (In Russ.)

Paul' G. Printsipy istorii yazyka [Principles of the history of language]: Per. s nem. Moscow: Inostrannaya literatura. 1960. 499 p. (In Russ.)

Potebnya A.A. Mysl' i yazyk [Thought and language]. Kiyev: SINTO, 1993. 192 p. (In Russ.)

Preodoleniye fal'safy. Interv'yu zam. direktora instituta Filosofii RAN Andreyem Smirnovym [Overcoming falsafa. Interview Deputy. Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Andrey Smirnov]. «Ekspert». 2011. N 16 (750). P. 90–94. (In Russ.)

Psikhologicheskoye napravleniye. Lingvisticheskaya kontseptsiya A.A. Potebni [Psychological direction. Linguistic concept of A.A. Potebnya]. Repozitoriy BGPU. URL: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/14009/1/%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf> (data obrashheniya: 10.01.2021). (In Russ.)

Radchenko O.A. Apostol rodnogo yazyka [Apostle of the mother tongue]. Vaysgerber Yokhan Leo. Rodnoy yazyk i formirovaniye dukha [Mother tongue and the formation of the spirit]. Per. s nem., vstup. st. i komment. O.A. Radchenko. Izd. 2-ye, ispr. i dop. Moscow: Yeditorial URSS, 2004. 232 p. (In Russ.)

Shlegel' K.V.F. Sochineniya. T. 1 Filosofiya zhizni. Filosofiya istorii [Compositions. T. 1 Philosophy of life. Philosophy of history]. Moscow: Quadrivium. 2015. 816 p. (In Russ.)

Shpet G.G. Vnutrennyaya forma slova (etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta) [The inner form of the word (studies and variations on themes of Humboldt)]. Moscow: KomKniga, 2016. 216 p. (In Russ.)

Yazyki kak obraz mira. Antologiya (M. Myuller, E. Sepir, V.L. Uorf., L. Vitgeynshteyn i dr.) [Languages as an image of the world. Anthology]. Moscow: AST, Terra Fantastica. 2003. 576 s. (In Russ.)

Brugman K, Osthoff H. Morphologische Untersuchungen. Erster Theil, Leipzig: Hirzel, 1878. P. 7–11.

Whorf B.L. Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. by J.B. Carroll. Cambridge: The MIT Press, 1956. P. 246–270.